

Коварство и любовь

Автор:

[Фридрих Шиллер](#)

Коварство и любовь

Фридрих Шиллер

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

«Миллер(быстро ходит по комнате). Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству – папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй – и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача...»

Фридрих Шиллер

Коварство и любовь

Мещанская трагедия

Действующие лица

Фон Вальтер, президент при дворе немецкого герцога.

Фердинанд, его сын, майор.

Гофмаршал фон Кальб.

Леди Мильфорд, фаворитка герцога.

Вурм, личный секретарь президента.

Миллер, учитель музыки.

Его жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинер герцога.

Разные второстепенные лица.

Акт первый

Сцена первая

Комната в доме музыканта.

Миллер встает с кресла и отставляет виолончель.

За столом сидит жена Миллера, еще в капоте, и пьет кофе.

Миллер(быстро ходит по комнате). Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству – папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй – и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Жена(прихлебывая кофе). Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

Миллер. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится, – о женитьбе тут не может быть и речи, а стать какой-то, прости господи... это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи, – все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку – и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. (Ударяет себя кулаком по лбу.) Боже мой! Боже мой!

Жена. Сохрани нас, Господи, и помилуй!

Миллер. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно, – на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас Господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки – готово дело! У него выиграло ретивое, как все равно у Роднея, когда тот зачует французов, – и пошел очертя голову, и пошел! И... и я его не виню. Все мы

люди, все человеки. По себе знаю.

Жена. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи Боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

Миллер. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца – глядь, и тела туда же за ними, – челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый – всего-навсего сводник.

Жена. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам в дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

Миллер(свистит). Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется Бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки, – и прощайте тогда крупницы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе говорят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу в родные палестины, устыдится, что ее отец – скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору... Ну уж нет, накажи меня Бог! (Вскакивает; в сердцах.) Скорей, пока не поздно! А майору... да, да, майору... поворот от ворот. (Направляется к выходу.)

Жена. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

Миллер(возвращается и останавливается перед ней). Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!.. Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду играть за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку, – вот тебе и не нужно будет торговать красотой твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие

сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Жена. До чего же ты невоздержан на язык! Закусишь удила – и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится, – ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

Миллер. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент – хороший отец, он еще будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан, – пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: «Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в любовницы – это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер».

Сцена вторая

Те же и секретарь Вурм.

Жена Миллера. А, с добрым утром, господин секретарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

Вурм. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Жена Миллера. Будет вам, господин секретарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

Миллер(с досадой). Жена, подай господину секретарю кресло! Милости просим, сударь!

Вурм(кладет шляпу, палку и садится). Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру... или, вернее; моя бывшая невест... ведь я уже не смею надеяться... Можно видеть... мамзель Луизу?

Жена Миллера. Спасибо за внимание, господин секретарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива...

Миллер(с досадой толкает ее локтем). Жена!

Жена Миллера. Да вот беда: не придется ей нынче с вами повидаться, господин секретарь. Она сейчас у обедни.

Вурм. Это хорошо, это хорошо. Я хочу, чтоб жена у меня была набожная, богобоязненная.

Жена Миллера(с величественно-глупой улыбкой). Оно конечно, господин секретарь, да только...

Миллер(явно смущен; дергая ее за ухо). Жена!

Жена Миллера. Ежели, господин секретарь, мы можем еще чем-либо вам услужить, то это мы с нашим удовольствием...

Вурм(прищурившись). Еще чем-либо? Покорно благодарю! Покорно благодарю! Гм! Гм! Гм!

Жена Миллера. Вы, господин секретарь, сами должны чувствовать...

Миллер(со злостью толкает ее в спину). Жена!

Жена Миллера. Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше! Кто же это станет мешать единственной дочке, когда ей счастье привалило? (С гордостью простолюдинки.) Вы меня хорошо поняли, господин секретарь?

Вурм(беспокойно ерзает в кресле, чешет за ухом, поправляет манжеты и жабо). Понял? Не совсем... То есть да... Что, собственно, вы хотели этим сказать?

Жена Миллера. Так вот... так вот... я все-таки думаю... я смекаю... (кашляет) раз уж Господу так угодно, чтоб дочка моя была знатной дамой...

Вурм(вскакивает со стула). Что такое? Что вы сказали?

Миллер. Сидите, сидите, господин секретарь! Моя жена – дура набитая. Куда моей дочке до знатной дамы? Вот язык-то без костей!

Жена Миллера. Можешь ворчать, сколько тебе угодно, а я что знаю, то знаю, и что господин майор сказал, то он сказал.

Миллер(в бешенстве бросается к виолончели). Заткнешь ты глотку или нет? Хочешь, чтобы я тебя виолончелью по башке треснул? Что ты можешь знать? Что такое он мог сказать? Не обращайтесь внимания на эти рассказы, сударь!.. А ты – марш на кухню!.. Ведь вы же меня не считаете за дурака, не считаете, что и я стою на том, чтобы моя дочь рубила дерево не по плечу? Не правда ли, господин секретарь?

Вурм. Было бы странно, если б вы ко мне вдруг переменились, господин музыкант. Вы всегда казались мне хозяином своего слова, и я полагал, что мой брак с вашей дочерью – это уже решено и подписано. Должность, которую я занимаю, вполне может прокормить человека расчетливого. А президент ко мне благоволит; если мне понадобится рекомендация, чтоб получить повышение, то мне ее дадут. Как видите, намерения у меня по отношению к мамзель Луизе самые серьезные, но вас, быть может, сбил с толку какой-нибудь дворянчик, у которого ветер в голове...

Жена Миллера. Легче, легче, милостивый государь...

Миллер. Говорят тебе, заткни глотку!.. Будьте спокойны, сударь, все остается по-старому. Что я ответил вам осенью, то повторяю и сейчас. Я свою дочь не неволю. Подходите вы ей – с Богом, пусть постарается быть с вами счастлива. Если же она скажет «нет» – тем лучше... то есть я хотел сказать, на все воля Божья. По случаю отказа распейте с ее отцом бутылочку, только и всего... Жить с вами ей – не мне. Какое я имею право только из упрямства насильно выдавать свою дочь за человека, который ей не нравится? Чтобы потом нечистый до конца дней моих гонялся за мной по пятам? Чтобы за каждым стаканом вина, за каждой тарелкой супа я потом твердил себе: «Подлец! Родное дитя погубил»?

Жена Миллера. Одним словом, я на это никак не согласна: моей дочери подавай что-нибудь повыше... Ну а если мой муж позволит обвести себя вокруг пальца, то

я прямо в суд.

Миллер. Я тебе руки и ноги перелломаю, трещотка окаянная!

Вурм(Миллеру). Совет отца может иметь большое влияние на дочь, а ведь вы, господин Миллер, кажется, достаточно хорошо меня знаете?

Миллер. Черт возьми! Надо, чтобы она вас знала! Что я, старый хрыч, в вас замечаю, то для молодой лакомки вовсе не приманка. Я вам по пальцам разберу, годитесь вы для оркестра или нет, но женское сердце – это не капельмейстера ума дело. Я неотесанный, простодушный немец, и я вам, сударь, скажу напрямик: за мой совет вы бы меня в конце концов не поблагодарили. Я моей дочери еще ни за кого не советовал выходить, но за вас, господин секретарь, я ей отсоветую!.. Дайте мне договорить... За жениха, который обращается за помощью к отцу, я, извините, не дал бы и ломаного гроша. Если он чего-нибудь стоит, то он постыдится таким старомодным способом открывать ей свои совершенства. Если же у него не хватает духа, значит, он трус; и такие девушки, как Луиза, не про него писаны... Э, да что там, он должен высватать себе девушку за спиной у ее отца... Он должен так ей полюбиться, что она скорее папеньку с маменькой к черту пошлет, а уж его из рук не выпустит или же сама бросится отцу в ноги и станет Христом-Богом молить либо умертвить ее лютой смертью, либо соединить их сердца. Это, я понимаю, парень! Это называется – любовь! А кто с женским полом обходиться не умеет, тот садись верхом на гусиное перо – и до свиданья!

Вурм(хватает шляпу, палку и бросается к выходу). Очень вам признателен, господин Миллер!

Миллер(медленно идет за ним). За что же? За что? Мы вас и не попотчевали, господин секретарь! (Возвращается.) Ничего не слышит, бежит без оглядки. Для меня эта чернильная душа хуже всякой отравы, хуже яда. У него такая мерзкая, такая поганая харя, что кажется, будто он и на свет-то Божий проник благодаря плутням какого-нибудь контрабандиста. Глазки вороватые, мышинные, волосы огненно-рыжие, подбородок так вылез вперед, словно природа с досады на свою неудачную работу схватила мошенника именно за это место и постаралась зашвырнуть как можно дальше... Нет, чем толкать дочь в объятия такого проходимца, пусть лучше она у меня, с позволения сказать...

Жена Миллера(плюет; со злостью). Собака!.. Разевай не разевай свою пасть, все равно ни при чем останешься.

Миллер. И ты тоже с этим окаянным барчуком! До белого каления меня сейчас довела. Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы сойти за умную, тут-то ты как раз глупее всего и бываешь. Ну к чему вся эта болтовня о знатной даме и о твоей дочери? Да еще при этой протобестии! Ему только намекни – завтра же об этом будут судачить на всех колодцах. Такие-то господа и шныряют по чужим домам, заглянут и в кухню и в погреб, и чуть у кого сорвется с языка лишнее слово – бац! об этом уже знают и герцог, и фаворитка, и президент, а тебе беды не обобратятся.

Сцена третья

Те же и Луиза Миллер с книгой в руке.

Луиза(кладет книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку). С добрым утром, папенька!

Миллер(ласково). Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься Богу. Будь всегда такой, и Господь тебя не оставит.

Луиза. Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Жена Миллера. Кто, дочка?

Луиза. Да, я и забыла, что, кроме него, еще есть на свете люди! Я стала такая рассеянная... Так Вальтер у нас не был?

Миллер(печально и строго). Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Луиза(пристально посмотрев на него). Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно... Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части мое израненное сердце, и я боюсь... боюсь... (После некоторого молчания.) Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь

картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала. Когда от восторга перед совершеннейшим творением Создателя я перестаю думать о нем самом, то разве это не приятно Богу, отец?

Миллер(в негодовании опускается в кресло). Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Луиза(в беспокойстве подходит к окну). Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я – простая, покинутая девушка. (Пугается собственных слов и бросается к отцу.) Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только... только думать о нем... А это такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь... Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и легким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости... Будь то фиалка и он бы на нее наступил, – как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел ее, то станет ли ее за это наказывать гордое, царственное солнце?

Миллер(растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками). Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Луиза(испуганно). Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд – мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. (Задумчиво.) Когда я увидела его впервые... (оживившись) я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: «Это он!..» И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: «Это он!» И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда... о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и все же я припоминаю, что никогда еще не был он так прекрасен. Я совсем не думала о Боге, и все же никогда еще так не любила его.

Миллер(бросается к ней и прижимает к своей груди). Луиза, милое, любимое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову... все возьми... все!.. Но... Бог свидетель... майора... я тебе дать не властен. (Уходит.)

Луиза. Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадет ненавистная шелуха сословий и люди станут только людьми... я из этого мира не принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, когда придет Господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там слезы зачтутся за подвиги, а благие помыслы – за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Жена Миллера(вскочив). Луиза! Майор! Вон он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Луиза(дрожа). Оставайтесь, мама!

Жена Миллера. Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости. (Уходит.)

Сцена четвертая

Фердинанд фон Вальтер, Луиза. Фердинанд подбегает к ней; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней. Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Пауза.

Фердинанд. Как ты бледна, Луиза!

Луиза(бросается к нему в объятия). Ничего! Ничего! Ты со мной. Все прошло.

Фердинанд(подносит ее руку к губам). Моя Луиза все еще меня любит? Мое сердце – такое же, как и вчера, а твое? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Луиза. Да нет же, нет, мой любимый!

Фердинанд. Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды брильянт. (Показывает на свое кольцо.) На нем не может появиться ни одного пузырька, которого бы я не заметил, ни одна мысль не мелькнет в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Луиза(некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью). Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоём изображении бедная девушка, простая мещанка!

Фердинанд. Что ты сказала? (В изумлении.) Девочка моя! Послушай! Как могло это прийти тебе в голову? Ты – моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья, которые ты провела в тоске, – это мгновенья, похищенные у твоего любимого.

Луиза(берет его за руку и качает головой). Ты хочешь усыпить меня, Фердинанд, хочешь отвлечь мое внимание от той пропасти, куда я непременно сорвусь. А я смотрю вперед. Голос славы, твои замыслы, твой отец, мое ничтожество... (Охваченная страхом, выпускает его руку.) Фердинанд! Меч занесен над тобой и надо мной! Нас хотят разлучить!

Фердинанд. Хотят разлучить? (Вскакивает.) Откуда у тебя эти мрачные мысли? Хотят разлучить! Но кто же в силах разорвать союз двух сердец или разъединить звуки единого аккорда?.. Я дворянин? Подумай, что старше – мои дворянские грамоты или же мировая гармония? Что важнее – мой герб или предначертание небес во взоре моей Луизы: «Эта женщина рождена для этого мужчины»? Я сын президента? Тем лучше! Что еще, кроме моей любви, способно искупить те проклятия, которые падут на мою голову из-за того, что мой отец грабит страну?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://telnovel.com/fridrih-shiller/kovarstvo-i-lyubov-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)